

18+

КАМИЛЛА ЭШФОРД

ПАЦИЕНТ

Камилла Эшфорд

Пациент

«Издательские решения»

Эшфорд К.

Пациент / К. Эшфорд — «Издательские решения»,

Она пришла мстить за смерть брата, но очень быстро поняла, что влюбилась. Его амнезия после аварии не помешала ему тоже влюбиться. Но теперь им предстоит выяснить, кто же подстроил эту аварию и зачем.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Пациент

Камилла Эшфорд

© Камила Эшфорд, 2026

ISBN 978-5-0070-4416-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я смотрела на него и ненавидела. Ненавидела эти совершенные, словно вырезанные из мрамора скулы, эту аристократическую линию подбородка, которую уже успела покрыть колючая трехдневная щетина, и эти длинные черные ресницы, отбрасывающие тени на бледные щеки. Ненавидела его так же сильно, как собственное сердце, которое каждый раз, едва я переступала порог этой палаты, пускалось в предательский, унижительный галоп.

Даниил. Для всего остального мира просто пациент без сознания, в мужском обличье. Для меня же мужчина, которого я поклялась уничтожить. Человек, из-за которого мой брат Артем больше не увидит солнца. Три недели назад я устроилась в эту элитную неврологическую клинику с одной целью — быть рядом, когда он очнется. Выяснить всю правду. А если он виновен... что ж, у медсестры в руках достаточно много инструментов, способных стать оружием.

Но сейчас, в полумраке палаты, освещенной лишь мягким светом приборной панели и желтым пятном ночника над кроватью, я стояла и просто... смотрела. И ненависть плавилась, растекалась горячим воском в груди, смешиваясь с чем-то липким и стыдным, чему я не могла подобрать названия. Нет, вру. Могла. Но боялась произнести это даже мысленно.

— Ну привет, мой безмолвный Аполлон, — прошептала я, бросив быстрый взгляд на дверь. Смена давно закончилась, но я осталась под предлогом дополнительного мониторинга. Старшая медсестра только отмахнулась: «Марго, ты слишком привязалась к этому телу. Зачем тебе это?». Ох, Ирина Борисовна, если бы вы только знали, зачем мне это все.

Я подошла ближе, привычным жестом проверяя капельницу и показатели на мониторе. Сердце билось ровно, дыхательный аппарат размеренно вздымал его широкую грудь. Три недели назад эту грудь переломало так, что осколки ребер едва не проткнули легкие. Черепно-мозговая, множественные ушибы внутренних органов, разрыв селезенки. Врачи говорили — чудо, что он вообще выжил. Авария. Я сжала зубы, вспоминая скупую сводку, которую я нашла в интернете: спортивный автомобиль на высокой скорости ушел с трассы в овраг, водитель вылетел через лобовое стекло. Но уже тогда что-то не сходилось — слишком много совпадений. Артем погиб при странных обстоятельствах всего за несколько месяцев до этого, а теперь и его партнер по бизнесу, Даниил, оказывается на грани смерти. Все это было очень странно.

Я провела пальцами по его предплечью — туда, где под кожей змеился тонкий шрам от пореза. Моя рука дрогнула. Даже в этом беспомощном состоянии от него исходила какая-то животная энергетика, заставлявшая мои внутренние мышцы сжиматься от томительного спазма. Я ненавидела его. И одновременно я хотела его так, как не хотела ни одного мужчину в своей жизни. Это было больно, слишком неправильно, и грязно. И это просто сводило меня с ума.

— Знаешь, — я поправила сбившуюся простыню, — вчера у меня было свидание. Парень по имени Гоша, менеджер среднего звена, при галстук и с маминым борщом в пластиковом контейнере. Он два часа рассказывал мне о преимуществах ипотечного кредитования, а когда попытался поцеловать, я чуть-чуть не рассмеялась. У него слюны было больше, чем страсти. А потом он храпел в кинотеатре. Храпел, представляешь?! На «Джоне Уике»! — я театрально всплеснула руками, хотя он не мог меня слышать. Я рассказывала ему все эти глупости каждый вечер. Сначала это был способ заполнить тишину, потом это превратилось в привычку, а теперь... теперь я ловила себя на мысли, что сама жду этих монологов. Он был идеальным слушателем: не перебивал, не давал дурацких советов и не пытался залезть мне в трусы.

Я наклонилась, подхватывая с тумбочки его личный флакон одеколона. Терпкий, с нотами сандала, бергамота и еще какой-то пряной, мужской горечи. В первую же смену, роаясь в его вещах в поисках хоть какой-то зацепки, я нашла этот флакон. И совершила ошибку —

поднесла к носу. Запах впитался в меня, засел под кожей, стал триггером, от которого низ живота наливался горячей тяжестью. Теперь я каждый день капала пару капель на ватный диск и протирала им его виски и запястья. Я говорила себе, что так делают для сенсорной стимуляции коматозных пациентов — знакомые запахи пробуждают мозг. Ложь. Я просто хотела, чтобы он пах собой. Пах так, как пахнет мужчина, которого я уже начала считать своим.

Пора было приступать к ритуалу. Я сняла халат, оставшись в коротком медицинском платье небесно-голубого цвета. В палате было тепло, даже жарко — центральное отопление работало на полную мощность, и тонкая ткань противно липла к разгоряченной коже. Я набрала в таз теплой воды, взяла мягкую губку и, откинув простыню, замерла.

Боже. Даже после трех недель неподвижности его тело выглядело как произведение искусства. Широкие плечи, рельефные грудные мышцы, под которыми угадывались очертания заживающих ребер, узкая талия и дорожка темных волос, убегающая под край больничного белья. Я сглотнула, чувствуя, как во рту становится сухо, а соски предательски твердеют, натягивая ткань платья. Проклятая физиология. Разумом я понимала: это просто тело. Просто пациент. Просто объект моей мести. Но тело, мое голодное, истосковавшееся по прикосновениям тело, видимо имело свои планы.

Я приступила к обтиранию, начав с лица. Губка скользила по его лбу, скулам, подбородку. Я обводила контур губ, которые в моих снах накрывали мой рот жадным, грубым поцелуем. Сны мне снились почти каждую ночь. Я просыпалась с влажными бедрами и его именем на губах, и это было худшей из пыток. Я провела губкой по его шее, по кадыку, по ключицам, смывая скорее лишь воображаемый пот. Мои пальцы то и дело касались его кожи, и каждое такое прикосновение буквально било электрическим разрядом прямо в низ живота. Я чувствовала, как между ног становится горячо и влажно. Черт. Черт. Черт...

Я обошла кровать, переходя к его рукам. Длинные, сильные пальцы с аккуратными ногтями. Я переплела свои пальцы с его, представляя, как эти руки сжимают мои бедра, оставляют синяки на талии. Где-то глубоко внутри зародилось низменное, животное желание, то, что нельзя игнорировать. Я наклонилась и, удостоверившись, что он без сознания, поднесла его ладонь к своей щеке. Закрыла глаза, втягивая запах его кожи на запястье. Терпкий, мужской. Я чуть развернула его руку и прижалась губами к центру ладони. Мое дыхание участилось. Я целовала его руку, а он даже не знал об этом. Это было извращением. Но это было так прекрасно.

Отбросив губку, я взялась за самое сложное. Уход за катетером. Я стянула простыню ниже, обнажая его бедра. Мое дыхание сбилось окончательно, когда я аккуратно, двумя пальцами, приподняла его член, чтобы сменить фиксирующий пластырь. Кожа была теплой. И в тот момент, когда я сосредоточенно разглядывала трубку, стараясь дышать через раз, мой взгляд упал на его пах. Медленно, словно под воздействием какой-то неведомой гравитации, его плоть начала набухать. Я в ужасе уставилась на это зрелище. У него была эрекция. Полноценная, крепкая, наглая эрекция на моих глазах. Я одернула руку, словно обожглась. Сердце забилось сильно-сильно.

— Ты издеваешься надо мной? — прошептала я, чувствуя, как жар приливает к щекам и одновременно — пульсирует между ног. Я наклонилась ближе, почти касаясь его уха. — Даже когда ты в коме, ты не можешь оставить меня в покое, да?

Он не ответил. Его лицо оставалось безмятежным, но в паху все наливалось тяжестью, требуя внимания. Я сглотнула. Боже. Профессиональный долг требовал проигнорировать это, прикрыть простыней и выйти. Но я не была сейчас медсестрой. Я была женщиной, ослепленной запретным желанием, перемешанным с ненавистью. Мои пальцы дрожали, когда я вернулась к нему, довершая манипуляции с катетером. Каждое прикосновение было практически пыткой. Мое собственное тело горело. Я чувствовала, как влажные трусы прилипают к коже, как клитор болезненно ноет, требуя разрядки. Я едва сдерживалась, чтобы не опустить руку

вниз, под юбку, и не довести себя до оргазма прямо здесь, у его постели. Это было бы безумием. Я буквально балансировала на грани.

Закончив с катетером, я выдохнула. Но пытка все равно не закончилась. Оставалась еще щетина. Я взяла с инструментального столика бритву, крем и кисточку. Щетина была моим наказанием. Каждые три дня я, как верная рабыня, сбривала ее, склоняясь над его лицом так близко, что чувствовала его дыхание на своих губах. Я села на край кровати, так, что его бедро касалось моего ягодицы. От этого контакта по телу пробежала дрожь. Я взбила пену в чашке, нанесла ее на его щеки, подбородок, шею. Белая пена на загорелой коже смотрелась почти непристойно.

Первый мазок — по правой щеке, вдоль скулы. Бритва закричала, срезая жесткие волосы. Я наклонилась ниже, чтобы видеть каждую деталь. Мое дыхание касалось его губ. Его губы были такими близкими... такими манящими. Я представила, как провожу по ним языком. Мои бедра непроизвольно сжались. Я продолжила, скользя бритвой по линии подбородка. Каждое движение требовало концентрации, но мои мысли были далеко — в фантазиях, где он просыпается, сгребает меня в охапку и берет грубо, жестко, на этой самой кровати. Я покусывала губу, сдерживая стон. Его кадык дернулся под моими пальцами, когда я брила шею. Я замерла, сердце ушло в пятки. Нет, рефлекс. Просто рефлекс. Но моя рука дрогнула, оставляя крошечный порез на его шее. Выступила капелька крови — яркая, рубиновая. Я, не думая, наклонилась и слизнула ее. Вкус металла и соли смешался с кремом для бритья. Сумасшествие. Я сошла с ума.

Закончив, я смочила полотенце теплой водой, добавила пару капель его одеколona и тщательно протерла гладкую теперь кожу. Запах сандала окутал меня, проник в легкие, в кровь. Я снова наклонилась, почти касаясь губами его уха. Моя грудь прижималась к его плечу. Я чувствовала, как твердые соски трутся о ткань.

— Если ты меня слышишь, — прошептала я, срывающимся, хриплым голосом, — просто открой глаза. Обещаю, я перестану жаловаться на жизнь и, возможно, даже перестану тебя ненавидеть. Хотя бы на какое-то время.

В этот момент что-то изменилось. Его веки, до этого неподвижные, едва заметно дрогнули. Ресницы затрепетали. Я отпрянула, вглядываясь в его лицо. Нет, это просто игра света. Просто мои надежды. Я выпрямилась, тяжело дыша, и прижала руку к груди, где сердце колотилось быстро-быстро. Я медленно убрала инструменты, поправила простыню, скрывая свидетельство его неосознанного желания. Прежде чем уйти, я еще раз взглянула на него. Прекрасный демон. Я выключила свет и закрыла дверь, прислонившись к стене в коридоре. Мои трусы были безнадежно мокрыми. Я сползла по стене, закрывая лицо руками. Что же ты делаешь со мной, Даниил?

Глава 2

Он пришел в себя не так, как показывают в кино — с медленным, томным взмахом ресниц и нежной музыкой. Нет. Мой Аполлон вернулся в мир живых рывком, словно выныривая из ледяной воды. Я как раз поправляла капельницу, когда его веки резко распахнулись, обнажая два бездонных колодца — глаза цвета грозового неба, мутные от боли и дезориентации. Из его горла вырвался сдавленный, животный хрип, скорее рык, чем человеческий звук.

Я замерла, не в силах пошевелиться. Сердце рухнуло куда-то в желудок, а затем бешено заколотилось в горле. Он смотрел на меня, и в этом взгляде плескалась такая дикая, первобытная паника, что у меня перехватило дыхание. Он попытался приподняться, но тело, ослабленное тремя неделями неподвижности, предало его. Руки беспорядочно зашарили по простыне, срывая датчики. Аппарат запищал, выводя на экран сумасшедший ритм его сердца.

— Тише! — я бросилась к нему, пытаюсь удержать за плечи. — Вы в больнице, вы в безопасности! Не двигайтесь пожалуйста!

Но он не слышал. Для него я была просто частью кошмара, размытым пятном. И тогда его рука взметнулась вверх с молниеносной, звериной скоростью. Пальцы сомкнулись на моем запястье, словно стальной капкан. Я вскрикнула от боли — настолько сильной и резкой, что в глазах потемнело. Он сжимал мою руку так, будто хотел сломать кости, будто я была его врагом, а не женщиной, которая три недели смывала пот с его тела.

— Где я?! — голос был хриплым, сорванным, но в нем уже звенели стальные нотки власти. — Кто вы?!

— Я Марго! — выдохнула я, пытаюсь не стонать. Боль была адской, но внутри, где-то под слоем страха и профессионального долга, зародилось что-то другое. Возбуждение. Эта сила, эта грубая, неконтролируемая мощь — она пробудила во мне темную, животную часть, о существовании которой я раньше только догадывалась. Я хотела, чтобы он сделал мне больно. Хотела, чтобы эти синяки остались на моей коже.

— Марго... — повторил он, и хватка чуть ослабла. Его глаза заматались по моему лицу, цепляясь за веснушки на носу, за прядь каштановых волос, выбившуюся из-под шапочки. — Я... я ничего не помню. Совсем ничего.

— Это нормально, — мягко, но настойчиво произнесла я, сглотнув комок. Моя рука все еще была в его тисках, и я чувствовала, как пульс бьется в кончиках моих пальцев, как тепло его кожи проникает в меня. — Вы... попали в аварию. Три недели назад. У вас амнезия. Но вы живы, вы в хорошей клинике, и вам ничего не угрожает. Меня зовут Марго, я ваша медсестра. Я позабочусь о вас.

Последние слова прозвучали слегка двусмысленно. Обещание, в котором смешались забота и желание. Он, казалось, уловил этот подтекст. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах, затем спустился ниже — на шею, на ключицы в вырезе форменного халата. Я видела, как расширяются его зрачки, затапливая серую радужку чернотой. Даже сквозь боль и шок он смотрел на меня уже как мужчина на женщину. И мое тело откликнулось моментально: соски затвердели, по спине пробежала дрожь. Он снова сглотнул и медленно, словно через силу, разжал пальцы.

Я посмотрела на свое запястье. На коже уже расцветали красные пятна, будущие синяки, которые завтра станут фиолетовыми. Я должна была злиться. Должна была позвать врача, накачать его успокоительными, сделать запись о нестабильном поведении пациента. Но вместо этого я украдкой провела пальцами по следам его хватки и прикусила губу, чтобы не застонать.

— Простите, — внезапно прохрипел он, и в этом слове прозвучало столько уязвимости, что моя ненависть к нему дала трещину. — Я не хотел... я просто... черт, я не помню даже своего имени.

— Даниил, — сказала я, поправляя ему подушку и намеренно наклоняясь так, чтобы мое бедро коснулось его плеча. — Вас зовут Даниил.

— Даниил, — проговорил он, пробуя имя на вкус. — А вас Марго. Это имя мне нравится. Оно звучит как...

Он не закончил. Его взгляд снова стал расфокусированным, сознание мерцало, уступая место усталости и боли. Я видела, как капельки пота выступили у него на лбу. Пальцы вцепились в простыню, на венах вздулись вены. Ему было больно. Адски больно. И вдруг меня захлестнуло новое чувство, собственническая, почти материнская нежность, смешанная с темным сексуальным голодом. Я хотела быть единственной, кто уймёт эту боль. Единственной, кто будет рядом.

— Я сейчас позову врача, — сказала я, отступая. Но он снова поймал мою руку — на этот раз нежно, почти умоляюще, за кончики пальцев.

— Не уходите. Марго. Пожалуйста. Вы единственное, что кажется мне знакомым.

Это признание поразило меня в самое сердце. Я замерла, чувствуя, как рушится стена ненависти, которую я так старательно возводила. Он не знал, кто я. А я... я уже не знала, кто враг, а кто нет. Я молча кивнула и осталась.

Спустя час, после осмотра дежурного невролога и дозы седативного, он забылся тяжелым, но уже не коматозным сном. Я же выскользнула в коридор, чтобы выпить воды, и именно там меня перехватил невысокий, лысеющий мужчина в помятом плаще — следователь Корнеев, как он представился.

— Вы медсестра Верещагина? — он показал удостоверение. — Мне сказали, что Даниил Верещагин пришел в себя. Мне нужно его допросить, как только врачи дадут разрешение. Дело в том, что авария была не случайной. Экспертиза показала: тормозной шланг был поврежден. Кто-то очень хотел, чтобы ваш пациент не дожил до следующего утра.

Я прижала руку к губам, изображая шок, хотя внутри все похолодело от бешеного азарта. Вот оно. Подтверждение тому, что я искала. Мой брат Артем покончил с собой, но перед этим его обвинили в краже чертежей. Даниил был его начальником. Даниил вполне мог быть заказчиком. А теперь кто-то пытался убрать и его.

Не успел следователь уйти, как в конце коридора показался еще один посетитель. Высокий, холеный блондин в безупречном костюме-тройке. Вадим. Бизнес-партнер Даниила. Его глаза скользнули по мне оценивающе, холодно, как у рептилии, и я сразу поняла, что этот человек очень опасен.

— Он очнулся? — бросил Вадим, даже не здороваясь. — Я принес его ноутбук. Там важные документы по нашим проектам. Лиза будет счастлива узнать, что с ним все в порядке.

Лиза. Я почувствовала неожиданный, острый укол ревности. Какая-то Лиза будет счастлива? Кто она ему? Жена? Любовница? Я сжала пальцы в кулаки. Вадим заметил мою реакцию — его губы тронула легкая, презрительная усмешка.

— Вы, наверное, его сиделка? — он окинул взглядом мою фигуру. — Передайте ему, когда окончательно придет в себя, что приходил Вадим.

Он вручил мне дорогую сумку с ноутбуком и удалился, шаркая дорогой обувью по стерильному полу. Я стояла, прижимая сумку к груди, и чувствовала, как внутри закипает дикая смесь из ревности, любопытства и вожделения. Что нахрен за Лиза? Я ненавидела ее только за то, что она существовала и имела на него какие-то права. Он был моим. Моим пациентом, моей жертвой, моим проклятием. Я три недели прикасалась к нему, мыла его, знала каждый шрам на его теле. Никакая Лиза не могла этого отнять.

Я вернулась в палату. Он спал — беспокойно, ворочаясь и что-то бормоча во сне. Я поставила сумку с ноутбуком на тумбочку и села на край кровати. В голове шумело. Запястье ныло от синяков, и я с каким-то мазохистским наслаждением снова и снова проворачивала браслет

из багровых пятен под пальцами. Я поднесла руку к губам и поцеловала синяк, закрывая глаза. Что ты делаешь со мной, Даниил? Ты даже не представляешь, что со мной происходит.

Я подвинулась ближе и, убедившись, что он крепко спит, прилегла рядом. Узкая больничная койка закрипела под нашим весом. Я прижалась к его боку, уткнулась носом в его плечо и вдохнула его запах. Моя рука легла ему на грудь, туда, где билось сердце. Я лежала так, слушая его дыхание, и понимала: все, я пропала. Окончательно и бесповоротно. Ненависть никуда не делась, но теперь она была неразрывно сплетена с безумной, эгоистичной страстью. И хуже всего было то, что завтра я снова должна была играть роль просто медсестры. Хотя внутри меня уже разгорался пожар.

Глава 3

Утро встретило меня противным писком аппарата и тупой, ноющей болью в запястье, где под тканью халата прятались багровые отметины его пальцев. Я стояла у зеркала в ординаторской, разглядывая синяки, и чувствовала, как внутри разливается горячая волна стыдливого, почти животного удовлетворения. Я провела по синякам кончиками пальцев, вспоминая вчерашнюю сцену: его расширенные от ужаса зрачки, стальную хватку и то, как он внезапно обмяк, попросив меня не уходить. За одну ночь мой бессловесный Аполлон превратился в реального мужчину — растерянного, агрессивного, опасно притягательного. И это меняло всё.

— Марго, ты скоро? — Ирина Борисовна заглянула в дверь. — Твой подопечный уже требует завтрак. И, кажется, скандал. Говорит, что не позволит себя кормить с ложечки, как младенца. Иди, утихомирь своего красавчика.

Я фыркнула, поправляя волосы под шапочкой и накидывая халат. Своего. Да уж, он становился моим во всех смыслах, включая даже самые непристойные. Входя в палату, я уже нацепила дежурную маску профессионализма — лёгкую улыбку, отстранённый взгляд. Но внутри всё равно все трепетало.

Даниил сидел на постели, спустив ноги на пол. На нем красовалась мятая больничная рубашка, распахнутая на груди, открывая вид на бледную кожу и синеватые синяки вокруг заживающих рёбер. Он был зол и прекрасен в своей злости — желваки ходили ходуном, а в серых глазах плясало мрачное пламя. Рядом суежилась молоденькая санитарка с подносом, которую он, очевидно, только что выставил за дверь.

— Я сказал: уберите это, — прорычал он, указывая на тарелку с овсянкой. — И позови Марго.

— Доброе утро, — я шагнула в палату, кивком отпуская санитарку. — Не стоит пугать персонал. Они здесь для того, чтобы помогать вам. Стоит быть благодарным.

Он резко обернулся на мой голос. Его взгляд мгновенно изменился — ярость уступила место жадному, изучающему интересу. Я буквально кожей ощутила, как он сканирует меня с головы до ног, задерживаясь на изгибе талии, обтянутой форменным платьем.

— Я ждал вас, — произнёс он более спокойно. — Вы мне обещали заботиться.

— Я и забочусь, — я поставила поднос на тумбочку и критически осмотрела его лицо. На щеках и подбородке уже проступила тёмная щетина, придавая ему диковатый, опасный вид. — Но первым делом мы приведём вас в порядок. Эта щетина неприлична для вашей аристократической челюсти.

Он усмехнулся, и эта усмешка была полна иронии и чего-то ещё — тёмного, предвкушающего.

— Да, моя щетина, я, кажется, оброс — он пощупал подбородок.

— Значит, доверьтесь мне, — я выкатила из угла инвалидное кресло и подкатила к кровати. — Пересаживайтесь. Сейчас я вас побрею.

Он с сомнением посмотрел на кресло, но подчинился. Его тело ещё плохо слушалось, и я вынуждена была обхватить его за талию, помогая переместиться. Это короткое прикосновение обожгло даже сквозь слои одежды. Он был горячим, мускулистым, и от него уже исходил тот самый запах парфюма. Моё сердце заколотилось с сумасшедшей скоростью. Я усадила его, и он оказался прямо передо мной, его разведённые колени почти касались моих бёдер. Я стояла между ними, чувствуя себя одновременно и хозяйкой положения, и жертвой, загнанной в ловушку.

Я взяла со столика чашку, помазок, крем и бритву. Его взгляд с интересом проследил за моими движениями.

— Хм, надеюсь вы меня не порежете? — он приподнял бровь.

— Я очень постараюсь, — я не смогла удержаться от колкой улыбки. — Сидите смирно. Если дёрнетесь, я не ручаюсь за вашу сонную артерию.

— Ручайтесь лучше за своё самообладание, — парировал он, и в его голосе прозвучал намек на чувственность.

Я начала с подготовки: намочила его щёки и подбородок тёплым полотенцем, затем взбила крем в густую пену. Мои пальцы скользили по его коже, нанося белую массу. Он закрыл глаза, и я видела, как напряглись мышцы его шеи. Дыхание его стало глубже. Мои руки слегка дрожали, но я заставляла их двигаться плавно, профессионально. Я наклонилась так близко, что почувствовала его дыхание на своей щеке. Запах крема смешивался с его запахом, и у меня кружилась голова.

Первое прикосновение бритвы к коже заставило его вздрогнуть.

— Не шевелитесь пожалуйста, — прошептала я, сосредотачиваясь.

Лезвие бритвы заскользило по правой щеке, срезая тёмную щетину с едва слышным шуршанием. Я двигалась медленно, выверенно, чувствуя каждую неровность его кожи. Это был танец на грани. Но я была хороша в этом. Очень хороша. Я брила его, а сама не могла отвести взгляда от его губ, манящих, которые он чуть приоткрыл. Мои бедра непроизвольно сжались. Я переместилась к левой щеке, к подбородку. Он сидел абсолютно неподвижно, только ноздри раздувались, да грудь вздымалась всё чаще. Я намеренно задела тыльной стороной ладони его кадык — он судорожно сглотнул.

— Марго... — его голос прозвучал низко, с хрипотцой.

— Молчите, — оборвала я, проводя лезвием по линии его подбородка. — Я ещё не закончила.

Он подчинился, но его глаза открылись и теперь смотрели прямо на меня — не мигая, с такой интенсивностью, что у меня перехватило дыхание. Я словно утопала в этой серой бездне. Мои пальцы, смахивающие остатки пены с его губ, задержались на долю секунды дольше необходимого. Я провела подушечкой по нижней губе, чувствуя её мягкость. Он резко втянул воздух.

— Марго, — выдохнул он, не разрывая зрительного контакта.

Боже. От того как он произнес мое имя, всё внутри перевернулось. Я опустила бритву, опасаясь, что сейчас мои предательские руки сотворят непоправимое. Я взяла полотенце, смоченное тёплой водой с парой капель его одеколона, и принялась вытирать его лицо — нежно, тщательно, с каким-то почти ритуальным благоговением. Запах сандала окутал нас плотным облаком. Он шумно вдохнул, и его глаза на мгновение затуманились — кажется, этот аромат пробуждал в нём какие-то воспоминания.

— Этот запах... — пробормотал он. — Он был со мной. В темноте. Когда я ничего не помнил, я чувствовал его. И ваш голос.

Я замерла, сжимая полотенце. Он помнил. Наверное, он помнил и мои ночные монологи. Жар прилил к щекам.

— Это просто одеколон, — сказала я нейтральным тоном, отступая, чтобы вернуть бритву на стол. — Я нашла его в ваших вещах. Думала, знакомые запахи помогут вам очнуться.

— Помогли, — он чуть улыбнулся уголком губ. — И не только мозгу.

Я бросила взгляд вниз и задохнулась. Под тонкой простынёй, прикрывавшей его колени, вздыбился отчётливый рельеф. Полноценная, каменная эрекция натянула ткань так, что скрыть это было просто невозможно. А он даже и не пытался. Его глаза следили за моей реакцией с откровенным, голодным любопытством хищника. Мой рот наполнился слюной. Я должна была смутиться, возмутиться, выбежать из палаты. Но я не могла пошевелиться. Всё моё тело заныло от болезненного желания. Между ног стало предательски влажно, соски упёрлись в жёсткую ткань бюстгалтера. Я смотрела на этот бугор и не могла отвести взгляд. Чёрт. Чёрт. Чёрт.

— Прошу прощения за физиологию, — в его тоне не было ни капли извинения. — Кажется, моё тело реагирует на вас независимо от моего сознания.

— Это нормально, — мой голос дрогнул, сорвался в хрип. — Возможно просто рефлекс, спинальная реакция...

— Марго, — он перебил меня, и его интонация стала твёрже. — Перестаньте притворяться. Я не помню ничего о своём прошлом, но я отлично чувствую настоящее. И прямо сейчас я чувствую, что хочу вас. И вы... вы тоже хотите меня. Я вижу, как вы на меня смотрите. Я слышу, как дрожит ваш голос.

Я стояла, вцепившись в спинку его кресла. Его слова хлестали, как пощёчины, и каждая из них отзывалась горячей пульсацией в клиторе. Это была правда. Уродливая, непрофессиональная, сумасшедшая правда. Я хотела его так, что у меня сводило мышцы живота.

— Вы мой пациент, — выдавила я, но мой голос прозвучал жалко.

— Я мужчина, который чуть не умер и который хочет почувствовать себя снова живым, — он медленно, словно давая мне возможность отступить, протянул руку и взял меня за край халата. Потянул на себя, заставляя сделать шаг, оказавшись вплотную. Я упёрлась ладонями в его плечи, чувствуя жар его тела. — Я не помню, кто я. Но я помню, что слышал ваш голос. И этого достаточно, чтобы знать: я хочу, чтобы вы сейчас остались.

Его откровенность сломала мои последние барьеры. Вместо того чтобы оттолкнуть его и гордо уйти, я медленно опустилась перед ним на колени. Пол был холодным, жёстким, но я не чувствовала ничего, кроме сумасшедшего жара. Мои руки легли на его бёдра. Он смотрел на меня сверху вниз, и его зрачки расширились до предела. Грудь вздымалась тяжело. Я не разрывала зрительного контакта, когда мои пальцы нащупали край простыни и медленно потянули её вниз.

Его член вырвался на свободу — крупный, с набухшими венами. Я облизнула губы. В голове пронеслись обрывки моих же ночных фантазий, которые теперь становились реальностью. Я наклонилась и провела языком по всей длине, от основания до кончика, чувствуя вкус его кожи. Он застонал — низкий, утробный звук, от которого у меня вибрировало всё внутри. Его пальцы зарылись в мои волосы, сжимая их в кулак, не больно, но властно.

— Да... — выдохнул он, откидывая голову назад.

Я приняла его в рот. Сначала осторожно, дразня, скользя языком, затем глубже, обхватывая губами. Он был бархатистым и твёрдым одновременно. Я начала двигаться — медленно, создавая вакуум. Его бёдра дрогнули. Он с трудом сдерживался, чтобы не начать двигаться самому. Я чувствовала его вкус, его запах, слышала его прерывистое дыхание. Моя собственная влага пропитала трусики насквозь. Я сжала бёдра, усиливая давление на клитор, и тихо застонала, не выпуская его из рта.

— Боже, Марго... — его голос сорвался. — Что ты...

Я ускорила темп, помогая себе рукой. Мои пальцы скользили по влажной от слюны плоти, поглаживали яички. Он был уже на грани. Его хватка в моих волосах усилилась. Я чувствовала, как он напрягся, как его член запульсировал у меня во рту. Я очень хотела, чтобы он кончил. Хотела выпить его до дна, забрать себе его удовольствие. Это было моей властью, моим безумным даром.

Он кончил громко, сдавленно, толкаясь бёдрами в мою ладонь. Горячая, солёная жидкость наполнила мой рот. Я сглотнула всё до капли, не отрывая от него глаз. По его телу пробежала крупная дрожь, он обмяк в кресле, тяжело дыша. Я выпустила его член из рта, облизала губы и медленно поднялась с колен. Мои ноги дрожали, внизу живота пульсировала неудовлетворённая, ноющая боль. Я одёрнула халат и посмотрела на него сверху вниз — покрасневшего, ошеломлённого, с ещё расфокусированным взглядом.

— Это была... терапия? — прошептал он, пытаясь вести себя не принужденно. Но видно было что ему это плохо удавалось.

— Это было «доброе утро», — ответила я, поправляя сбившуюся шапочку. Моё собственное сердце колотилось, но я заставила себя говорить максимально спокойно. — Теперь вы, кажется, достаточно расслаблены для каши. Я сейчас пришлю санитарку.

Я вышла из палаты, прикрыла за собой дверь и привалилась к стене. Колени подкашивались. Я только что совершила профессиональное самоубийство. И мне было абсолютно плевать. Я поднесла ко рту тыльную сторону ладони, всё ещё чувствуя его вкус на губах, и тихо застонала. Это было только началом.

Глава 4

Ночная смена тянулась бесконечно. После утреннего инцидента я избегала Даниила — давала ему время на осмотр, физиопроцедуры, а заодно пыталась собрать в кулак остатки разума. Но мозг предательски прокручивал каждую секунду: его член у меня во рту, его стоны, его пальцы в моих волосах. Я механически заполняла карты, мерила давление другим пациентам, а сама была где-то там, на коленях перед ним.

К полуночи я поняла, что больше не могу притворяться. Я должна была его увидеть. И я точно знала, что он тоже ждёт.

Когда я вошла в палату, свет был приглушён, только мониторы мерцали синими цифрами. Даниил спал, но сон его был беспокойным. Он метался по подушке, одеяло сбилось в ком, обнажая загорелую грудь. Его дыхание было прерывистым, а лицо искажала гримаса боли. Он бормотал что-то неразборчивое, и я подошла ближе, чтобы расслышать.

— Лиза... нет, Лиза, не уходи...

Имя резануло меня как ножом. Лиза. Та, о которой упомянул Вадим. Мои пальцы сжались в кулаки. Ревность поднялась из глубины души, удушливой волной. Даже сейчас, в кошмаре, он звал её. Не меня, а свою чёртову Лизу. Сука.

Он закричал — настоящим, полным ужаса криком, выгибаясь дугой на постели. Я мгновенно забыла о ревности и бросилась к нему. Схватила за плечи, пытаюсь разбудить.

— Даниил! Даниил, очнитесь! Это сон, просто сон!

Он резко распахнул глаза. В них плескалась паника, боль, но, увидев меня, он мгновенно обмяк. Его рука метнулась к моему лицу, пальцы коснулись щеки, словно он хотел убедиться, что я настоящая.

— Марго, — выдохнул он с облегчением. — Ты здесь. Мне снился кошмар. Я снова тонул... и какая-то женщина смеялась надо мной.

— Лиза, — вырвалось у меня, прежде чем я успела прикусить язык. — Вы звали какую-то Лизу.

Он нахмурился, потёр лоб. Воспоминания явно ускользали.

— Лиза... да, кажется, это имя. Но лицо размыто. Только голос. Холодный, как лёд. Я не помню, кто она.

— Возможно, ваша бывшая, — я не смогла скрыть горечи в голосе. — Или настоящая.

Он посмотрел на меня долгим, испытующим взглядом. Затем его ладонь скользнула с моей щеки на шею, поглаживая большим пальцем линию челюсти.

— Ты ревнуешь, — констатировал он. — К призраку из моих кошмаров.

Я хотела возразить, но он не дал. Его рука переместилась мне на затылок и мягко, но настойчиво потянула вниз. Я не сопротивлялась, позволяя ему уложить мою голову на своё плечо. Он обнял меня второй рукой, прижимая к себе. Моё тело моментально отозвалось — напряжение, копившееся весь день, схлынуло, сменившись острым чувством защищённости. Я чувствовала его сердцебиение под ухом, его тепло, его запах.

— Остайся, — прошептал он. — Пожалуйста. Когда ты рядом, кошмары отступают.

Я знала, что это нарушение всех правил. Знала, что скоро будет обход, и если нас застукают... Но вместо того, чтобы встать и уйти, я скинула туфли и забралась на узкую койку целиком, прижавшись к его боку. Он подвинулся, давая мне больше места, и его рука легла на мою талию. Мы лежали в тишине, нарушаемой лишь писком монитора. Я приподнялась и, повинаясь безотчётному порыву, начала напевать колыбельную, что когда-то пела мне бабушка. Слова были глупыми, детскими, но мелодия текла успокаивающе. Он закрыл глаза, его дыхание выравнилось.

Его рука на моей талии ожила. Сначала просто поглаживала ткань халата, затем скользнула под него, находя голую кожу на пояснице. Я вздрогнула, но продолжала петь, хотя голос дрогнул. Его пальцы вырисовывали круги, поднимаясь выше, к лопаткам. Я чувствовала, как моё тело предаёт меня снова и снова — соски заострились, в низу живота зародилась знакомая, сладкая тяжесть. Он действовал медленно, словно запоминал каждую клеточку. Его ладонь обогнула мой бок и накрыла грудь поверх ткани платья. Я ахнула, колыбельная оборвалась.

— Продолжай петь, — прошептал он с закрытыми глазами. — Мне нравится.

Я попыталась восстановить дыхание и снова завела мелодию, но пальцы уже оттягивали край моего декольте, освобождая грудь. Он нащупал сосок и сжал его — сначала нежно, потом сильнее, пропуская между пальцами. Я застонала, прогибаясь в пояснице. Колыбельная превратилась в бессвязный набор звуков. Он усмехнулся, не открывая глаз, и его рука скользнула ниже — по животу, к краю трусиков.

— Даниил, что ты... — начала я, но он прижал палец к моим губам.

— Тссс. Ты заботилась обо мне три недели. Теперь моя очередь.

Его пальцы проникли под резинку трусиков без церемоний. Я охнула, вцепившись в его больничную рубашку. Он нашёл меня — влажную, горячую, пульсирующую. Я была готова, давно готова. Я раздвинула слегка ноги, пропуская его глубже. И он сразу этим воспользовался. Кончики его пальцев скользнули по складкам, размазывая влагу, и нашли клитор. Я закусила губу, чтобы не закричать, когда он начал описывать по нему медленные, дразнящие круги. Каждое прикосновение било током, заставляя мои бёдра подёргиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.